

Социальное познание и символическое насилие

Давыдов Денис Олегович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: Metrden@yandex.ru

Социальное познание и символическое насилие

Давыдов Денис Олегович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: metrden@yandex.ru

На протяжении истории развития социологической мысли одним из важных направлений теоретической работы и эмпирических исследований являлось направление социологии знания, позже переросшего в такие направления, как, например социология науки. Существовали самые различные определения предмета социологии знания, и можно было бы сказать, что история этой дисциплины была тем самым историей различных ее определений. Однако, можно утверждать, что предметом социологии знания является взаимосвязь человеческого мышления и социального контекста, в рамках которого он возникает. Можно сказать, что социология знания представляет собой социологический фокус гораздо более общих проблем, а именно детерминации мышления как такового. Хотя здесь в центре внимания социальный фактор, теоретические трудности сходны с теми, которые возникают в тех случаях, когда предполагается, что человеческое знание и мышление детерминировано другими факторами (историческими, психологическими, биологическими и т. д.). Все эти случаи объединяет общая философская проблема, в какой степени знание и мышление зависит или нет от предполагаемых детерминирующих факторов, однако включение эпистемологических вопросов, касающихся обоснованности социологического знания, в социологию знания отчасти напоминает попытки толкать автобус, в котором ты едешь сам, в связи, с чем мы не ставили перед собой подобной задачи. Истоки интуиции о том, что наше знание отнюдь не свободно от того исторического и социального контекста, в котором оно существует, можно встретить еще в классических работах, как, например работы К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма и др., однако, следует отметить, что понимание этой проблематики менялось и трансформировалось вместе с социологической теорией. Если, например, в работах марксистов речь идет о «ложном сознании», а работы ранних позитивистов отдавали риторикой «развенчания мифов», то после обращения социологического взора к проблеме идеологии и вообще возможности построения таких глобальных систем мировоззрения, социологами была утеряна возможность утверждать что-то об онтологическом статусе того знания, которое они анализируют, в связи с чем особо востребованным оказался феноменологический проект, позволяющий анализировать «знание в скобках». Согласно анализу, проведенному во введении книги П. Бергера и Т. Лукмана, «Социальное конструирование реальности» термин «социология знания» (Wissenssoziologie) был введен в употребление Максом Шелером в 1920 годы. На момент написания своей книги П. Бергер и Т. Лукман выделили несколько этапов развития социологии знания, которые они поставили в соответствие определенным, присущим каждому из этапов проблематикам, которые вкратце можно описать следующим образом: «объяснить социальную детерминацию знания» (этап становления дисциплины), «воссоздать и описать интеллектуальную историю идей» (этап, связанный с усилиями немецкой исторической школы), «проблема головокружения от относительности» (релятивистский этап, связанный с осознанием относительности знания, проблематика которого имеет корни еще

в античном прошлом и наиболее ярко выражена в изречении Паскаля: «то, что истинно по одну сторону Пиренеев, ошибочно — по другую») и, наконец, этап подробного феноменологического описания знания и особенностей его существования в социальном контексте, последователями которого, ссылаясь на А. Шюца они себя и позиционируют. Особая роль в становлении самой проблематики данной дисциплины отводится таким направлениям философской мысли, как марксизм, ницшеанство и историцизм. В работе П. Бергера и Т. Лукмана произведен краткий анализ предшествующих теоретических направлений в социологии отмечается непосредственное влияние таких социологов, как М. Шеллер, К. Мангейм, Р. Мертон, Т. Гейгера, Э. Топпа, В. Старка, Дж. Г. Мид и косвенное влияние М. Вебера, Э. Дюркгейма, П. Сорокина, Т. Парсонса, Ч. Р. Милза. П. Бергер и Т. Лукман писали, что Шеллеровский анализ позволял увидеть социальную детерминацию наличия того или иного знания, но не его природу, однако более распространенное понимание предмета социологии знания получила Мангеймовская формулировка, согласно которой содержание знания так же является социально обусловленным за исключением математики и части естественных наук. Позднее, иными, «более последовательными» авторами, такими как, например, Дэвид Блур [2] и Эндрю Пикеринг [1] «мангеймовское» направление будет продолжено и будет произведен отказ от установки исключать математику и естественные науки из области социологического рассмотрения, однако эта, безусловно, интересная линия развития социологии знания не есть то, что нас интересует на данный момент. В силу специфики содержания научно-философского дискурса последних лет, в последнее время все чаще обозначаемого приставкой «пост-», гораздо интереснее посмотреть, какие социальные условия способствуют, формируют и поддерживают саму установку на столь специфический и странный вид социальной деятельности как «научное познание». Что стоит за тем множеством противоречивых и взаимоисключающих социальных требований, предъявляемых к социальной роли и деятельности ученого, обеспечивающих ее легитимацию? Какие социальные представления о познании и тех или иных критериях и способах должного познания распространены в нашем социальном пространстве и как применяются эти представления? И, наконец, самое интересное, - как социальный контроль над познанием способствует сохранению и воспроизводству социальной структуры нашего общества? Гораздо интереснее, на наш взгляд, сосредоточиться на феноменологическом анализе, возможность которого продемонстрировали П. Бергер и Т. Лукман, что делает не релевантным этому анализу сосредоточение фокуса своего исследования исключительно на истории идей: *«Социология знания должна заниматься всем тем, что считается <знанием> в обществе. Как только это определено, становится ясно, что фокус внимания на интеллектуальной истории выбран неудачно, или, точнее, выбран неудачно, если он становится главным фокусом социологии знания. Теоретическое мышление, <idee>, Weltanschauungen — это не то, что является самым важным в обществе. Хотя каждое общество содержит эти феномены, они — лишь часть всего того, что считается <знанием>. Лишь очень небольшая группа людей в обществе занята теоретизированием, производством <идей> и конструированием Weltanschauungen. Но каждый в обществе тем или иным образом причастен к его <знанию>. Иначе говоря, лишь немногие заняты теоретической интерпретацией мира, но каждый живет в том или ином мире, фокус внимания на теоретическом мышлении не только чрезвычайно ограничивает социологию знания, он неудовлетворителен еще и потому, что даже эту часть существующего в обществе <знания> нельзя понять полностью, если она не помещена в рамки более общего анализа <знания>».*

Преувеличивать важность теоретического мышления в обществе и истории — естественная слабость теоретиков. И потому тем более необходимо устранить это за-

блуждение интеллектуалов. Теоретические определения реальности, будь они научными, философскими или даже мифологическими, не исчерпывают всего того, что является «реальным» для членов общества. И поэтому социология знания прежде всего должна заниматься тем, что люди «знают» как «реальность» в их повседневной, не- или дотеоретической жизни. Иначе говоря, скорее повседневное знание, чем «идеи», должно быть главным фокусом социологии знания. Это именно то «знание», представляющее собой фабрику значений, без которого не может существовать ни одно общество» [3].

Так как П. Бергер и Т. Лукман уже продемонстрировали феноменологический способ описания общих особенностей конструирования реальности повседневной жизни, а социологи науки и антропологи научились описывать практики производства научного знания, следует взяться за описание тех социальных требований, навязываемых познавательных процедур и социальных представлений о них, которые господствуют в нашем обществе и научной среде, принуждая человека, имеющего социальный статус «ученого», к определенному типу поведения и наделяя то или иное знание статусом «истины», только на основании соответствия этим некоторым якобы «принятым» положениям. Необходимо понять, как из единичных социальных действий ученых складывается такая «объективная фактичность» как «научное знание» и есть ли хоть какое-либо несоциальное (в данном случае - «не социальное» означает «не связанное со статусно-ролевыми отношениями и сложившейся социальной структурой») и не-языковое (определение ученого, как человека говорящего на языке той или иной научной дисциплины как минимум неточно) отличие между человеком, авторитетно производящим некоторое «научное» высказывание в статусе «ученого», и тем, кто просто претендует на производство некоторого осмысленного высказывания без оглядки на социальные требования оформления научного высказывания и социальную ориентацию в научной среде. Необходимо понять есть ли за этим, по образному выражению Пьера Бурдьё [4], «символическим насилием» хоть что-то качественно отличающее один тип знания от другого, кроме иной, специфической формы структурирования и социального статуса, производящих некоторую систему высказываний людей. Без четкого ответа на эти вопросы дальнейшее развитие научного знания невозможно, поскольку становится не совсем понятно, что такое наука и научное знание и чем оно отличается от повседневного знания и метафизики.

Источники и литература

- 1) Andrew Pickering Constructing Quarks: A Sociological History of Particle Physics
- 2) Bloor, D. (1991 [1976]), Knowledge and Social Imagery, 2nd ed., Chicago: University of Chicago Press.
- 3) Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: “Медиум”, 1995. — 323 с.
- 4) О символической власти // Бурдьё П. Социология социального пространства. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — с. 87-96.
- 5) Max Scheler, Die Wissensformen und die Gesellschaft (Bern, Francke, 1960).
- 6) Фуко М. История безумия в классическую эпоху/ Пер. с фр. И. К. Стаф. — М.: АСТ МОСКВА, 2010. — 698 с.
- 7) Хабермас Юрген Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. — М.: Праксис, 2007. — 208 стр.

Слова благодарности

Спасибо.